

Ирень

но выглядит внушительно. И потом, какая разница, командир подлодки портсигар подарил или сам товарищ Сталин, главное, к людям уважение было, была Победа, и молодость не позволяла кручиниться — самое счастливое время, деревни из мёрзлой картошки казались деликатесом, а стирка солдатского исподнего превращалась в балет на воде.

Небеса над деревней Шубино неблагодарно мрачны. Берёза возле деревянной церкви намочила и сочит из чёрных своих корост ознобную влагу. Ольгу Николаевну Салтыкову крестили в шубинской церкви. Только никто не помнит, во имя какого святого освящался здесь престол. Молодёжь, которая местной историей интересуется, говорит: это Иоанно-Богословский храм. Кто-то — что во имя Ильи-пророка построен. Сама Ольга Николаевна версий не выдвигает, признаётся, что не помнит. Так её и звали всегда просто — шубинская церковь, потому что остальные в округе закрывали. А помнит она, как в войну работала девчонкой на колхозном зерновом складе. Где работали, там и жили. Соберутся домой, ан бригадир навстречу по дороге: куда это? «Нам бы домой, поесть», — отвечают. — «Вот я вам несущу

поесть». — «Нам бы в баню». — «Ничего не знаю, работать кто будет?»

Бывший колхозный амбар до сих пор стоит рядом с церковью, основательный и обширный, поднят на квадратных каменных столбах. На дверях крепкий замок, но сквозь пропиленный кошачьего лаза шуршит пустота, подметённая двадцать лет назад. Тропка к амбару заросла репейником в пояс.

В шубинской церкви было много икон, даже, будто бы, снаружи на стенах висели. Но в 1960-е и её закрыли. Председатель сельсовета и секретарь. После этого они недолго прожили, председатель ещё руки обморозил, думали, ампутируют, но обошлось, однако вскорё всё же помер.

Простенок между притвором и храмом почти полностью выломан, но Ольга Николаевна всё равно открывает уцелевшие двустворчатые двери и только через них входит в пустоту, обрамлённую зашарпанными стенами. Как полагается, крестится, будто не замечая церковного разорения. Должно быть, ей видится исчезнувший иконостас и прежнее небогатое, но благолепное убранство.

В войну в церкви служил батюшка Александр, так он купил на свои сред-

ства самолёт для фронта. И он, и матушка его похоронены под берёзой возле церкви. Берёза отяжелела от мороси. Из дыр в церковной крыше струйками стекает дождевая вода.

В Шубино, Невolino и прочих окрестных деревнях дождевую воду бережно собирают, используют для питья и для готовки. Её тут называют «потошной». Родниковая или артезианская годна только для технических нужд, больно жёсткая. Ну, ещё бы — гипсовый ведь подпол у всего неволинского холмистого бытия.

...Вроде бы в небе прорезался голубой глазок. Потягивается, распрямляя дощатый позвоночник, перекидной мост. Ирень просветилась до самого доньшка, обнажая плетущиеся косицы водорослей. Промытые волной гипсовые обломки на берегу заиграли искорками, словно друзья выпаренной каменной соли. Солнечные потоки побежали по сухой и седой, как китайская шёлковая бумага, траве Неволинского могильника, на неё брызнули пурпурные капли боярышника. В здешних захоронениях при доспехе и оружии находили останки не только мужчин, но и женщин-воительниц. Значит, ещё в средние века здесь водились геродотовские амазонки.